

придать значение панацеи. Все ожидания от коммунизма были передвинуты на демократию. **На мой взгляд, демократия не является сверхценностью. Это, скорее, инструмент, который можно по-разному оценивать и относиться к этому стоит прагматически,** реально оценивая, что он может, а что не может. Для меня довольно очевиден аналитический вывод о том, что демократия — это наиболее результативный способ принятия решений, но при этом и наиболее дорогой. Только более или менее успешные нации могут позволить себе такой способ принятия решений как демократия.

Свобода — это ценностная единица. А демократия, скорее, инструментальная. Конечно, демократия есть определенный способ реализации свободы, суверенитета, власти, интересов тех или иных групп населения и т.д. Публичная философия фактически существует и важна для демократии постольку, поскольку нам необходимо уяснить вопрос, в какую клетку общественного сознания помещать сами эти понятия, начиная с понятия гражданского общества.

Парадокс существования гражданского общества в России состоит в том, что люди активно пользуются его услугами (они знают, когда нужно обратиться в общество потребителя, когда в «Мемориал», когда к экологам, а когда в Движение автомобилистов), но при этом, на вопрос, есть ли в России гражданское общество, отвечают, что нет. **В общественном сознании нет понимания того, что же есть «гражданское общество» по сути, публичная философия еще не описала этого.**

То же самое относится и к историческому сознанию. Исторические фильмы начисто выкидывают из смутного времени Козьму Минина. Пожарский машет мечом, кого-то спасает Сусанин, кого-то избирают на Земском Соборе, — все это есть. Нет Козьмы Минина, нет отражения того, что глобальным фактором преодоления смутного времени главным образом была некоторая общественность. Здесь мы опять возвращаемся к вопросу о необходимости публичной философии.

Гражданское общество нередко представляется в общественном самосознании то ли как скрытая форма политики, то ли как некоторая коммерческая операция, потому что публичная философия не прояснила его в общественном сознании. Именно здесь это реально существующее и используемое явление могло бы быть понято, принято и возведено в ценность. Задача публичной философии состоит в том, чтобы открывать те «ящики» и «шкафы», где в общественном сознании могли бы располагаться те или иные фактические существующие идеи. ■

Специально для РЖ

НАШЕ БОЛЬШИНСТВО ПРОГРЕССИВНЕЙ НАШЕЙ ЭЛИТЫ

МИХАИЛ РЕМИЗОВ — российский политолог, философ, генеральный директор Фонда поддержки гражданских инициатив «Стратегия 2020», президент Института национальной стратегии (ИНС)
Специально для РЖ

Термин «популистская демократия» вполне допустим; правда, режимы Уго Чавеса и Эво Моралеса очень сильно дискредитировали левопопулистский проект и саму концепцию «популистской демократии». Единственное, что в контексте Латинской Америки спасает этот проект от позорного краха — это **положительный опыт Бразилии.** Есть люди, которые считают любой социализм глупостью. Но президенту Лула да Силве удалось реализовать модель «умного социализма» и социально ориентированной модернизации в XXI веке.

Разумеется, необходимо различать «социал-демократию» и «популизм», чисто логически это разные вещи. Но зачастую они предполагают друг друга, поскольку поворот к социал-демократической политике требует формирования сильной общественной коалиции, что и достигается за счет популистской мобилизации. Если популизм работает на «умный» социально ориентированный проект, он может быть исторически оправдан.

Другой момент состоит в том, что само применение популистской мобилизации должно быть дозированным. **Популизм хорош как технология реанимации общества, технология его мобилизации, технология его шокового излечения от депрессии, но он плох как**

рутинная технология управления. Для людей типа того же Чавеса популистская мобилизация становится альфой и омегой государственной жизни. Наполеон Бонапарт на базе той энергии, которую ему удалось извлечь из французского общества, создает институты регулярного государства, такие, как Наполеоновский кодекс.

Говоря о России, было бы разумно утверждать, что режимы, как Бориса Ельцина и Владимира Путина, так и Дмитрия Медведева, пусть они иногда и применяли какие-то популистские технологии, в основе своей не являются популистскими. Напротив, российские механизмы поддержания популярности лидеров являются технологиями демобилизации, сдерживания большинства: его недопущения в реальную политику, недопущения к влиянию на реальный курс российского государства.

Путинская модель — это «щит» от широкого участия большинства в политике. Было бы правильно эту схему поменять. **Наше большинство гораздо более прогрессивно, чем наша элита, прогрессивно по своим базовым ценностным установкам, по своей гражданской культуре.** Просто важно избежать негативного опыта популистских демократий Латинской Америки и не превращать его в рутинную технологию управления. ■